

Тимошенко Иван Елизарович

К истории судебной пытки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Елизарович Т.**
К истории судебной пытки / Тимошенко Иван Елизарович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 50 с.

ISBN 978-5-519-76705-7

1, 2. Взгляды древних на пытку. Пытка по римскому праву

ISBN 978-5-519-76705-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Ученые, занимавшіеся исторіей пытки, останавливались прежде всего на вопросѣ о происхожденіи ея (*de quaestionis origine*); нѣкоторые считали Тарквинія Гордаго изобрѣтателемъ пытки у римлянъ ¹⁾; другіе высказывали предположеніе, что она получила начало у персовъ, или у египтянъ, отъ которыхъ потомъ перешла къ другимъ народамъ; а что римляне въ числѣ другихъ учрежденій и пытку позаимствовали у грековъ,—это считается болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ ²⁾. Но можно ли говорить объ изобрѣтеніи, или заимствованіи одного изъ тѣхъ обычаевъ, которые составляютъ общее достояніе всѣхъ варварскихъ народовъ? Пытка вообще, какъ принудительное средство, примѣнявшееся съ цѣлю вынудить сознаніе, или получить требуемыя показанія, была извѣстна, безъ сомнѣнія, всѣмъ народамъ ³⁾; но пытка, какъ особая

¹⁾ *V. Hall* De origine et progressu quaestionum per tormenta. Traj. ad Rh. 1822 p. 12. Но если можно придавать значеніе позднѣйшимъ свидѣтельствамъ объ этой эпохѣ римской исторіи, то, на основаніи Dionys. Hal. III 73, нужно допустить, что пытка была извѣстна въ Римѣ раньше Тарквинія Гордаго.

²⁾ Нѣкоторые опредѣляютъ даже годъ, въ который это случилось, именно,—300 (301) годъ отъ осн. Рима, когда три римскихъ посла ѣздили въ Аѳины, чтобы ознакомиться съ греческими законами: *F. G. A. Wasserschleben* De quaestionum per tormenta apud Romanos historia comment. Berol. s. a. (1837?), p. 13; но законы XII таблицъ не даютъ никакого основанія для подобной гипотезы.

³⁾ Вотъ нѣкоторые свидѣтельства объ употребленіи пытки: *Aelian* var. hist. VII 18 объ египтянахъ; *Herod.* I 116 о мидянахъ и персахъ;

II

часть судебного процесса, обставленная известными правилами, впервые развилась въ Афинахъ, хотя и здѣсь, рядомъ съ публичной, продолжала существовать частная или домашняя пытка, не подчиненная контролю правительства; только въ Римѣ, благодаря усиленію государственной власти въ лицѣ императоровъ, пытка получила характеръ государственнаго учрежденія, дѣятельность котораго была строго регламентирована съ цѣлію исключить возможность личнаго произвола и злоупотребленій, и въ такомъ видѣ, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, пытка сдѣлалась известной и въ судахъ новѣйшихъ народовъ.

Въ специальныхъ трактатахъ, посвященныхъ исторіи пытки, — *Вестфалія* ¹⁾ и упомянутыхъ уже нами *Галлія* и *Вассерилебена* поражаетъ именно недостатокъ, или даже полное отсутствіе исторической перспективы: ученіе о судебной пыткѣ излагается такъ, какъ будто это было разъ навсегда установившееся учрежденіе, не подвергавшееся измѣненіямъ; законодательныя постановленія приводятся здѣсь большею частью promiscue, безъ различія эпохъ, къ которымъ они относятся, безъ указанія ихъ авторовъ и постепенной эволюціи. Впрочемъ, и въ этихъ трактатахъ замѣчается отраженіе общаго взгляда, давно установившагося на Римскую Имперію и все еще господствующаго въ наукѣ и въ пуб-

Liv. XXI 2 и Val. Max. III 3, 7 о карфагенянахъ; Polyæn. stratag. VIII 38 о киренѣйцахъ. Въ законодательствѣ Моисея пытка не упоминается (*А. Лебедевъ* О нравств. достоинствѣ гражд. законовъ Моисея. М. 1858, стр. 76), но это не значитъ, что евреи никогда не знали ея, см. Еванг. Матѣ. 18, 34, гдѣ упоминаются οἱ βασανισταί, Jos. Flav. antiqq. Iud. XVI 8, 1 et 4; XVII 4, 2; ibid. V 2 о древнихъ хананеяхъ. Далѣе, кромѣ Греціи и Рима, пытка была известна и въ другихъ подвластныхъ имъ странахъ—въ Македоніи: Quint. Curt. VI 11 и Liv. XL 55; въ Сициліи: Val. Max. III 3, 2 et 5; Justin. XXI 3; въ Испаніи: Justin. XLIV 2; на о. Кипрѣ: Val. Max. III 3, 4, въ Родосѣ: Cic. part. or. 34 § 118; у египтянъ: Liv. II 12; у галловъ: Caes. b. G. VI 19.

¹⁾ *D. E. Chr. Westphal* Die Tortur der Griechen, Römer und Teutschen. Leipz. 1785.

III

ликѣ, какъ на эпоху *упадка*. Въ самомъ дѣлѣ, распространеніе пытки и смертной казни, составлявшихъ прежде удѣлъ однихъ рабовъ,—на свободныхъ людей и полноправныхъ гражданъ, безъ различія ихъ происхожденія и общественнаго положенія, не служить ли, повидимому, несомнѣннымъ доказательствомъ, съ одной стороны, усиленія деспотизма, а съ другой, упадка нравственнаго достоинства человѣческой личности? Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи предмета, этотъ общераспространенный взглядъ или выводъ приходится отвергнуть. Далѣе, упомянутыя спеціальныя сочиненія наполнены множествомъ процессуальныхъ подробностей въ примѣненіи пытки, точно авторы ихъ хотѣли дать не историческій очеркъ, а руководство къ производству пытки. Подробности эти, можетъ быть, интересныя для спеціалистовъ, не представляютъ ни малѣйшаго общаго интереса. Но мы не находимъ здѣсь изложенія взглядовъ и мнѣній о значеніи пытки самихъ древнихъ,—взглядовъ, которые представляютъ большой интересъ для исторіи идей и служатъ въ тоже время характеристикой нравственныхъ понятій извѣстной эпохи. Не находимъ также указанія на гуманныя мотивы, лежавшіе въ основаніи законодательныхъ мѣръ, которыми пытка въ Римской Имперіи постепенно была отодвинута на послѣднее мѣсто, какъ крайнее средство въ порядкѣ судебнаго слѣдствія.

Авторъ предлагаемаго этюда задался цѣлію пополнить указанныя пробѣлы въ исторіи судебной пытки у древнихъ римлянъ. Но такъ какъ насъ интересуетъ собственно общая тема—успѣхи гуманныхъ идей въ классической древности, выразившіеся отчасти и въ исторіи судебной пытки, то мы постараемся по возможности меньше мѣста отвести подробностямъ аттическаго и римскаго уголовнаго процесса и судебной казуистикѣ въ примѣненіи пытки и совсѣмъ опустимъ описаніе орудій и способовъ ея производства, т. е. чисто антикварную сторону предмета, а подробнѣе остановимся на взглядахъ и мнѣніяхъ по этому вопросу древнихъ ораторовъ, философовъ и юристовъ и особенно на относящихся

сюда постановленіяхъ римскаго законодательства. Послѣднія замѣчательны въ томъ отношеніи, что въ нихъ, какъ и вообще въ римскомъ правѣ, уже съ I и еще болѣе со II вѣка нашей эры замѣчается тенденція въ пользу наиболѣе угнетенныхъ классовъ населенія,—поворотъ, свидѣтельствующій о несомнѣнныхъ усилѣхъ гуманности и представляющій одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій въ исторіи Римской Имперіи. И хотя пытка принадлежитъ къ числу тѣхъ мрачныхъ явленій въ жизни древнихъ, которыя отличались особенною интенсивностью и не поддались вполне вліянію новыхъ идей, привнесенныхъ философій и христіанствомъ, но и здѣсь замѣчаются значительныя смягченія и ограниченія, предписываемыя гуманностью. Въ своемъ краткомъ очеркѣ, посвященномъ исторіи отжившаго учрежденія, мы стараемся отмѣтить малѣйшіе признаки смягченія жестокихъ нравовъ и варварскихъ понятій древности по вопросу о судебной пыткѣ. Если древность можно сравнить съ грудой камней или развалинъ нѣкогда населеннаго города или зданія, то вмѣсто реставрированія части этого зданія,—что, повидимому, составляетъ задачу спеціальныхъ изслѣдованій по наукѣ древностей, мы попробуемъ разобрать и изложить нѣсколько мыслей и чувствъ человѣческихъ, написанныхъ на этихъ мертвыхъ камняхъ. Да извинятъ насъ тѣ изъ читателей, которымъ задача наша и методъ покажутся не строго-научными!

Главными источниками при составленіи настоящаго очерка служили:

1) *аттическіе ораторы*. Нѣкоторыя мѣста изъ нихъ указаны въ Corpus juris attici I. B. *Téligny*. Pest. et Lips. 1868, pp. 172—173 и 507—508 и у *Pauly* въ Real-encyclopädie (s. v. tormentum). Мы пользовались изданіемъ ораторовъ *G. St. Dobson*-а *Oratores attici*. Lond. 1828. Отзывъ о пыткѣ Аристотеля находится въ его *Rhetor.* I 15 § 26.

2) сочиненія *Цицерона*, особенно его рѣчи: pro Cluentio, pro Milone, pro Sulla, pro S. Roscio Amerino и отчасти *peto-*

рическія его сочиненія: *Rhetorica ad Herennium*, de partitione oratoria и др. Сюда же отнесемъ *Квинтилиана* inst. orat. V 4 и блаж. *Августина* de civ. Dei XIX 6. Кромѣ того, о судебной пыткѣ много трактуется въ декламацияхъ *псевдо-Квинтилиана*; но это не болѣе, какъ школьныя упражненія въ судебномъ краснорѣчій позднѣйшаго происхожденія; они написаны на разные вымышленные случаи и не представляютъ почти никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы пользовались изданіемъ Бурманна ¹⁾).

и 3) источники римскаго права: I. Pauli sententiae (Jurispr. antejust. quae supersunt. Ed. *Huschke*. Lips. 1874), Codex Theodosianus (ed. *Haenel*. Lips. 1842), Digesta и Codex Justiniani (Corpus juris civilis. Lips. 1868).

¹⁾ M. F. Quintiliani, ut ferunt. Declamationes. Cur. B. Burmanno. Lugd. Bat. MDDCXX (?).

I. Взгляды древнихъ на пытку.

A. Греки.

Пытка была обыкновеннымъ приѣмомъ судопроизводства въ классической древности, но до временъ Римской Имперіи примѣнялась (въ Римѣ) исключительно къ рабамъ. Клятва была преимуществомъ гражданина и вообще человѣка свободнаго; рабъ не пользовался этимъ преимуществомъ ¹⁾, и по общему правилу, господствовавшему въ древности, свидѣтельство его на судѣ могло быть принято во вниманіе лишь подъ пыткой. Это правило вытекало изъ взгляда на раба, какъ на вещь, на которую нужно было дѣйствовать извѣстными внѣшними средствами, чтобы получить требуемый эффектъ, какъ мы дѣствуемъ химическими реактивами на какой либо металлъ, чтобы узнать его истинныя свойства, или употребляемъ для этой цѣли пробирный камень; греческое слово—βάσανος означаетъ, именно, и пробирный камень, и пытку. Согласно съ такимъ взглядомъ, необходимо было дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на тѣло раба (выворачивая члены его на дыбѣ, или прижигая тѣло его горячимъ желѣзомъ), чтобы получить истинное (какъ казалось) свидѣтельство, которое Демосенъ, не обинуясь, называетъ „доказательствомъ на кожѣ раба“ (ἐν τῷ δέρματι ἐλεγχος) ²⁾.

¹⁾ Единственный случай, когда отъ раба требовалась клятва, однако, въ смыслѣ правдиваго, а не юридическаго обязательства, см. въ Dig. Xb, 12, L. 44.

²⁾ Demosth. adv. Timoth. cap. 11. *G. Geib.* (Geschichte d. röm. Cri-

Во всей литературѣ классической древности, въ сочиненіяхъ поэтовъ, историковъ, философовъ и ораторовъ, мы не находимъ ни одного слова, осуждающаго пытку, какъ безчеловѣчное и безправственное учрежденіе. Въ аѳинскихъ и римскихъ судахъ иногда заходила рѣчь лишь о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ пыткой, когда въ интересѣ той или другой тяжущейся стороны требовалось оспаривать, или оправдывать эти показанія; но и тутъ главнѣйшіе ораторы Греціи и Рима сходились въ признаніи пытки за лучшее средство судебного изслѣдованія и клятвенному свидѣтельству свободныхъ людей предпочитали показанія рабовъ, данныя подъ пыткой. Въ первый разъ возраженіе противъ пытки, какъ средства, не дающаго возможности раскрыть истину, было сдѣлано юристомъ Ульпіаномъ, а рѣшительное осужденіе ея, какъ бессмысленнаго и въ высшей степени несправедливаго учрежденія, принадлежитъ христіанскимъ писателямъ (Тертулліану и блаж. Августину).

Чтобы дать болѣе вѣрное понятіе о доводахъ, которые приводились лучшими ораторами древности для оправданія пытки, мы приведемъ относящіеся сюда мѣста изъ ихъ рѣчей въ буквальный переводъ.

Антифонтъ въ одной изъ своихъ рѣчей ¹⁾ говоритъ, обращаясь къ судьямъ: „Вы знаете, что пытка—это самое сильное изъ всѣхъ принудительныхъ средствъ, какими располагаютъ люди,

minimalprozesses Leipz. 1842. S. 142--143) исходитъ изъ того положенія, что рабы (у римлянъ), въ силу древняго закона, не давали свидѣтельствъ *in caput domini*, а только въ его интересахъ, и потому, въ виду тѣсной связи ихъ съ господиномъ, показанія ихъ не могли считаться безпристрастными, а отсюда будто бы и возникла необходимость примѣненія къ рабамъ пытки, какъ средства убѣдиться въ истинѣ. Такое объясненіе общаго взгляда, господствовавшаго въ древности, несостоятельно уже потому, что въ аѳинскомъ процессѣ показанія рабовъ принимались и противъ ихъ господъ.

¹⁾ Antiph. Super chor. (περὶ τοῦ χόρευτοῦ) cap. 6 p. 778 sq. ed. Reiskii.

и что показанія, добытыя этимъ путемъ, наиболѣе достовѣрны, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда множество свидѣтелей, свободныхъ или рабовъ, показываютъ противное. Допустимъ, что честное слово и клятва, которыя для свободныхъ людей выше и дороже всего, имѣютъ для нихъ обязательную силу; но для рабовъ лучшее принудительное средство—пытка, которою они вынуждаются говорить правду, даже если за свое показаніе должны поплатиться жизнью, *потому что физическая боль въ настоящую минуту на всякаго дѣйствуетъ сильно, чѣмъ страхъ будущаго страданія*“¹⁾. Этотъ доводъ, считавшійся сильнѣйшимъ, однако, легко обращается противъ защитниковъ пытки: подъ вліяніемъ нестерпимой боли пытаемый, забывая о будущемъ, готовъ сказать все, что отъ него требуется, даже принять на себя какую угодно вину, лишь бы только въ настоящую минуту прекратить страданія²⁾. И въ другихъ рѣчахъ Антифонъ также придаетъ важное значеніе пыткамъ, напр., въ рѣчи своей „объ отравленіи“ онъ говоритъ, что пытка даетъ полную возможность узнать навѣрное истину³⁾.

Лисій также высказывается за пытку; въ рѣчи своей „объ умышленномъ нанесеніи рапы“ онъ упрекаетъ своего противника за отказъ выдать на пытку рабыню, изъ-за которой возникло дѣло: этимъ путемъ, говоритъ онъ, очень легко можно было бы выяснить истину⁴⁾.

¹⁾ ἡ γὰρ παρῶσα ἀνάγκη ἐκάστω ἰσχυροτέρα ἐστὶ τῆς μελλούσης ἔσεσθαι.

²⁾ Последнее обстоятельство хорошо созвано было римскими законодателями: рескриптъ импер. Септимія Севера обязываетъ судей не полагаться на сознаніе пытаемыхъ при отсутствіи доказательствъ, подтверждающихъ ихъ вину. Dig. XLVIII 18, L. 1 § 17. Тотъ же доводъ противъ пытки приводится въ «Наказѣ» импер. Екатерины II (гл. X ст. 194).

³⁾ Antiph. de venef. cap. 2 p. 607.

⁴⁾ Lys. de vuln. praemod. cap. 1 p. 173 Reisk: ἐξὸν δ' ἐκ τῆς ἀνθρώπου βασανισθείσης τὸν ἔλεγχον ποιήσασθαι οὐκ ἐθέλησεν... τούτων καθ' ἐν ἑκάστον καὶ τῶν ἄλλων οὐδὲν ἦν ὅτι οὐ ῥάδιον αὐτῇ τοῖς τε ἄλλοις ἐμφανὲς καὶ τούτοις ποιῆσαι.

Исократъ въ своемъ *Τραπεζίτιχός* говоритъ: „итакъ, г.г. судьи, хотя есть много доказательствъ правоты моего дѣла, но самымъ важнымъ доказательствомъ того, что Пасіонъ утаилъ мои деньги, служить его отказъ выдать на пытку раба, знающаго о сдѣланномъ мною вкладѣ. Да и какое можетъ быть другое болѣе сильное доказательство при денежныхъ сдѣлкахъ съ банкирами? Не свидѣтелей же, въ самомъ дѣлѣ, представлять въ подобнаго рода дѣлахъ! Вы и сами, какъ я знаю, держитесь того убѣжденія, что какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства узнать истину, какъ пытка, что свидѣтелей можно представить въ подтвержденіе того, чего вовсе не было, и что пытка, напротивъ, ясно обнаруживаетъ, которая изъ двухъ сторонъ говоритъ правду“¹⁾.

Исэй въ рѣчи своей „о наслѣдствѣ Кирона“ говоритъ: „итакъ, показанія рабовъ подѣ пытку, какъ въ частныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ вы признаете самымъ вѣрнымъ доказательствомъ; и если въ какомъ либо дѣлѣ вамъ представляется возможность допрашивать не только свободныхъ, но и рабовъ, то вы для изслѣдованія истины не принимаете свидѣтельства свободныхъ людей, а прибѣгаете къ пыткѣ рабовъ; и вы прекрасно дѣлаете, господа, ибо вы знаете, что изъ свободныхъ свидѣтелей нѣкоторые показывали несогласно съ истинною, тогда какъ ни одинъ изъ рабовъ, подвергнутыхъ пыткѣ, не былъ изобличенъ во лжи“²⁾.

Ликургъ въ рѣчи противъ Леократа говоритъ: „кто изъ васъ не знаетъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ вообще, такъ и въ важныхъ общественныхъ дѣлахъ, касающихся интересовъ государства, наиболѣе справедливымъ и популярнымъ приѣмомъ судопроизводства является допросъ и пытка прикосновенныхъ къ дѣлу рабовъ и рабынь, по правилу---вѣрить больше дѣламъ, чѣмъ словамъ“³⁾.

¹⁾ Isocrat. trapez. cap. 27, p. 369 ed. Steph.

²⁾ Isaei de Cironis hered. cap. 4, p. 202 Reisk.

³⁾ Lycurg. c. Leocrat. cap. 9, p. 159—160 Reisk.